

О.Иосиф. Таинство отпевания

Чин отпевания не входит в число семи таинств Христианской Церкви. Но случаи и впечатления, связанные с этим чином, побуждают меня относиться к нему с большим пиететом и ставить наравне с таинствами.

И когда протос совершит панихиду по новопреставленному, скончавшемуся не у нас, всегда интересуюсь, отпевали его или нет, и прошу уточнить, и добиться от родственников на месте, чтобы отпевание было совершено, и если нет возможности, предлагаю совершить его заочно. Не ради благообразия и чувств родных, а ради последствий этого чина для умершего. Первое отпевание, которое было совершено при моем участии, было как раз отпевание заочное.

Наша семья открыла для себя Бога и Церковь довольно поздно. Мы все уже были взрослыми и во всем остальном сложившимися людьми. Семейным апостолом у нас была моя старшая сестра Лавра, в крещении София. Она же и выступила инициатором отпевания нашего отца Григория и тети Софии, сестры нашей матери, много забот положившей о нас. Отец умер в середине 60-х, тетя Соня в середине 70-х. Мы, бывавшие в глубоком неведении, даже и не думали тогда о христианском погребении наших близких. И вот, спустя годы, придя к Богу, поставив и нас на путь спасения, София озобога нас спасением душ наших усопших сродников. Мы жили тогда на два дома - в Москве и Тбилиси. В Москве жили в Сокольниках и были прихожанами храма Воскресения Христова. Не помню, обсуждала ли София эту тему с нами, помню только момент, когда, после окончания литургии, она остановила проходивший по храму настоятель отца Александра. Я стоял чуть поодаль и не слышал начала разговора. Наверное, София обрисовала ситуацию, что два наших ближайших родственника погребены без отпевания. Отец Александр спросил, кивнув в мою сторону: «Он с вами?» Я подошел поближе... Кажется, отец Александр

сам совершил отпевание. По крайней мере, именно он наставлял нас, как поступить с землей и разрешительными молитвами, которые нам выдали после отпевания.

Отец Александр, довольно рано и неожиданно умерший (когда ему было, кажется, чуть больше шестидесяти), запомнился несколькими особенностями своего служения. На Пасхальном богослужении он не читал, а с большим чувством высоким голосом пел по-гречески Евангелие от Иоанна: «Иисус архин о Логос, ке о Логос ин прот тон Феон, ке Феос ин о Логос». Он всегда служил воскресную всенощную, и по отпуске первого часа, сходил, чуть прихрамывая, по семи или восьми мраморным ступеням солен и под обоем пение «Царице моя Преблага», и подобный ей направлялся к Иверской иконе, преклонял колени, прикладывался, а потом становился в стороне. А мы, приложившись к Божьей Матери, подходили к нему под благословение. Он всегда сам служил вечером и утром на Новый год, и в предновогодний вечер также благословлял нас. Священником была у него покойная монахиня Ольга. На литургии, после причащения, когда отец Александр при воз-

гласе «и во веки веков» крутовым движением осенял Чашей народ, она стояла у Царских врат, и отец Александр, прежде чем унести Чашу в алтарь, возлагал ее на склоненную голову матери Ольги. Запомнилось и его наставление о земле и молитве после отпевания: «Разройте землю на могиле крестом. При этом он сделал соответствующий жест пятью прямыми сдвинутыми пальцами правой руки. - Засыпьте эту землю в борозды, положите молитву, и, - опять сделав соответствующий жест, - зарывайте ее». Совершить все эти действия вышло мне. Я как раз должен был лететь в Тбилиси. В это время я был свободным художником, а по-современному, фрилансером. Сначала я отправился на старинное Кукийское кладбище, к тете Соне. Оно было знакомо мне с детства. Здесь покоились многие наши родственники. Здесь я не раз бывал с Ваню дзю или дядей Ваней, мужем тети Софии, который весной всегда навещал могилу своего отца. Это называлось у него - «на майские праздники». Я и не подозревал тогда, что под майскими празд-

никами, кроме солидарности трудящихся, подразумеваются Пасха и Радаоница. Потом в этой огаде погребли сначала тетю Сону, а потом и его самого. Я сделал все, как показал отец Александр и как потом уже сам показывал родственникам тех, кого отпевал заочно.

Выйдя после этого за каменную ограду кладбища, я внезапно почувствовал такую легкость, будто, как я пытался описать для себя это состояние, «только что вернулся с курорта». Стояла чудная тбилисская погода начала лета. Но не в этом было дело. Мне было ясно, что эта легкость была вызвана тем, что началось в храме в Сокольниках и только что завершилось здесь. И она, эта легкость, была, я так думаю, иначе не имела бы смысла, отзвуком того облегчения, которое испытала душа тети Софии. На другой или третий день я отправился на другой конец города, на Сабуртальское кладбище.

Это было новое кладбище. Когда отца погребли здесь, оно только что открылось. На похороны отца я опоздал, потому что ехал и летел с Вятки, где проходил армейскую службу. Отца похоронили накануне, и меня отвезли на свежую могилу. Так получилось, что теперь я лишь второй раз побывал на этом кладбище. Оно уже сильно разрослось, но я хорошо помнил участок, где был погребен отец. Участок я помнил, но могилу никак не мог отыскать. Побродив некоторое время, я уже отчаялся и собрался уходить. Вдруг меня позвали: «Сосо!» (это грузинское сокращение имени Иосиф, а может, и приспособленное таким образом древнее грузинское имя). Я обернулся на оклик и вдруг увидел отпоское надгробие. На какое-то мгновение я решил, что отец знал меня, стоящего у его могилы и не видящего ее. Оказалось, что окликали другого Сосо. Это кладбищенский работник призывал своего молодого напарника. И все-таки... Я повторил все действия, также разрыл крестом могилу, засыпал землей, зарыл разрешительную молитву, немного прибрался, стоял молча, помолился. Когда я вышел за ограду, вновь ощущение легкости наполнило грудь. Оно было точно такое, как и при выходе с Кукийского кладбища.

Случай и впечатления, связанные с таинством отпевания

Можно ли это связать именно с отпеванием - не знаю, потому что этот человек заслужил милость Божью раньше, еще при жизни, но было это все-таки на отпевании. Это была тетюшка нашей прихожанки. Она много лет пролежала в расслаблении. Как-то по радио услышала молитву «Святых Божие» и стала постоянно повторять ее. Отпевали мы ее в храме Рождества Иоанна Предтечи, гроб стоял в маленьком отделении, там, где находятся чеканные иконы Господа. Богородицы и Предтечи Иоанна. Перед этими иконами мы тогда регулярно служили молебен Божьей Матери. И вот совершая отпевание любительницы трисвятого, я ощущал такой прилив радости, что сам себя вопрошал: «Ты на отпевании или на свадьбе?»

Автор книги церковных анекдотов пишет: «Примечательный разговор с одним весьма благочестивым человеком, который был гораздо меня старше. Я ему сказал:

- Не знаю... Господь многомилостив, но я не представляю себе, чтобы такому чудовищному грешнику, каким был Сталин, эти предписанные панихиды хоть как-то облегчили посмертную участь. Чтобы они ему хоть сколько-нибудь помогли...

- Что вы! Что вы! - воскликнул он. - Помогли! Еще как помогли!

- То есть, это в каком же смысле?

- Изумился я.
- А как же? Как же? Ведь его, в конце концов, все-таки в земле похоронили... По-человечески... Не то, что Ленина, который до сих пор так и лежит земле не преданный...»

Время выноса этого усопшего заранее не согласовали с нами и назначили слишком рано. Так что

между окончанием литургии в храме и выносом тела из ритуального зала не оставалось пространства для чинного совершения отпевания. Я предложил совершить отпевание накануне вечером, а завтра после литургии проводить тело на кладбище. У усопшего, пока мы его отпевали, было скорбное выражение лица, на нем лежала печать спокойной безнадежности. Я и сам проникся этим состоянием. И до конца отпевания надо мной как будто витали слова: «Достойно по делам нашим приносим» (Лк 23, 41), с которыми один из разбойников, распятых с Христом, обратился к другому. На следующий день, после литургии, я опять отправился в ритуальный зал. К моему удивлению, вместо скорби и безнадежности, я увидел на лице покойника умиротворение, как будто картинка перед его взором сменилась с мрачной на светлую. Я осторожно, через «мне кажется», обратил на это внимание родных. А они, словно только и ждали этого, с воодушевлением подтвердили мои слова.

Эту молодую женщину принесли в храм за час-другой до отпевания. Я не узнавал ее, но родственники, которых я тоже не признавал, утверждали, что время от времени она бывала в храме. Не помню, с какого момента я увидел на ее лице улыбку, исполненную такой радости, какую редко увидишь и у живого человека. Эта улыбка цвела на губах и всем лице покойницы все время, пока шло отпевание, и с этой улыбкой вынесли ее из храма. Была ли обращена эта улыбка назад, к тому, что было в ее уже прошедшей жизни, или вперед, к тому, что ждало ее?

Удивительно, что все это случалось, произошедшее с людьми, которые не отличались образцовой или даже

какой-нибудь церковной жизнью, кроме того, что были крещены. Кое-где их бы вообще отказались отпевать. И не могу сказать, что это несправедливо. И все-таки им было оказано явное снисхождение. Какое именно снисхождение, что в реальности их новой жизни означали эти земные знаки, не мне гадать.

Из письма прихожанки Галины Постовой о. Иосифу:

«Дорогой Батюшка, позволяйте мне поделиться с Вами своими мыслями и наблюдениями по поводу чина отпевания, так сказать, из личной жизни. Моя мама умерла, когда мне было 15 лет. Отец погиб, когда мне было 3 года. Отца я не помню, и он мне не снился. А вот маму очень редко, но иногда во сне вижу. Но что для меня странно и огорчительно, во сне она всегда бывает демонстративно недовольна мною. Я вхожу в комнату. Она лежит на кровати лицом ко мне. Увидев меня, тут же отворачивается к стене. Или она спускается по лестнице, глядя на ступеньки. Я стою внизу, поджидая ее. Она поднимает глаза, видит меня, поворачивается и идет обратно вверх по лестнице. После таких снов я обычно пребывала в замешательстве.

С одной стороны, было радостно увидеться с нею хотя бы во сне. С другой, я не понимала, чем я могла так провиниться или обидеть ее в свои неполные 15 лет. Я не была трудным подростком, хорошо училась, бегала по кружкам и, кажется, не доставляла ей особых забот. Я не помню, чтоб мы ссорились с ней или чтоб она за что-то меня наказывала. Вот так всю жизнь и жил в моей душе вопрос, который я не могла задать ей: что я должна сделать, чтоб она простила меня, не знаю, за что?

И было так, пока более чем через полвека Батюшка Георгий не напомнил мне заочно отпеть родителей.

Ни мать, ни отец отпеты не были, хотя иконка в доме была, и по праздникам мама ходила в церковь в соседнюю деревню. Четверо детей крещены не были, о чем она часто сетовала, как говорили братья, причитала. Двое братьев так и ушли некрещеными. Я покрестилась в 45 лет, а средний брат недавно в 83 года, при моем участии, на родине. В свое время я спрашивала братьев, слышались ли им мама, и что, может, я по малолетству не помню какую-то свою вину. Кому-то снилось, кому-то нет. Но чтоб недовольной - никогда и никому. И они удивлялись моим снам, наверное, больше меня, но ничего не могли мне объяснить. Так вот, после заочного отпевания моих родителей о. Георгием в Пантелеимоновском приделе, через некоторое время мама снова приснилась мне. Но как...?! Впервые радостной и счастливой! Она в своей квартирке где-то по соседству со мной в приподнятом настроении хлопотет перед Пасхой. Все вычищено, сверкают, осталось повесить шторы на вымытые окна. Я забежала к ней на

минутку, что-то ей принесла, попросила покормить меня, т. к. торопилась. Она обрадовалась: «Сейчас-сейчас!».

Мы успели перемолвиться, задать друг другу какие-то вопросы, выяснить недоразумения: а ты зачем, а ты почему... В ответ слышал взаимные улыбки и счастливые глаза, в которых ясно читалось только одно - все-все хорошо и все взаимно прощено. С тех пор в душе поселилось чувство радостного светлого облегчения - или выполненного долга, или, наконец-то, исполненного обещания. И жить стало как-то легче и радостней - Слава Богу! Больше не снилась. А еще хочется узнать, правильно ли я «читаю» эти сны? Я так понимаю: кому больше дано, с того и спрос больше. Что она могла спросить с некрещеных и не знавших церковь сыновей? А мне, о ней постоянно молящейся, каждый раз давала понять, что есть что-то очень важное, что я для нее не сделала, но обязательно сделать должна...».

**Вечер памяти
Михаила Кривоногова**

**14 октября
17.00
в библиотеке храма**

Страницу подготовила Л. МАРТЫНОВА